

ТРУДЫ КАФЕДРЫ БОГОСЛОВИЯ

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 1 (5)

2020

*Священник Димитрий Лушников, протоиерей Константин Костромин,
протоиерей Евгений Палюлин, С. Л. Фирсов, Н. А. Тарнакин*

Материалы круглого стола, посвященного 20-летию со дня кончины архиепископа Михаила (Мудьюгина)

DOI 10.47132/2541-9587_2020_1_86

Аннотация: Публикация подготовлена на основе стенограммы выступлений участников круглого стола, посвященного 20-летию со дня кончины архиепископа Михаила (Мудьюгина) (1912–2000), состоявшегося 10 марта 2020 года в Книжной гостиной Издательства Санкт-Петербургской духовной академии.

Ключевые слова: архиепископ Михаил (Мудьюгин), богословие, Санкт-Петербургская духовная академия, фундаментальная теология, введение в основное богословие, история Русской Православной Церкви.

Участники с докладом:

Протоиерей Константин Александрович Костромин

кандидат богословия, кандидат исторических наук, доцент, проректор по научно-богословской работе СПбДА.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8511-3431> E-mail: k.a.kostromin@mail.ru

Священник Димитрий Юрьевич Лушников

кандидат богословия, доцент, заведующий кафедрой богословия СПбДА.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7985-1371> E-mail: hram-sretenya@yandex.ru

Протоиерей Евгений Викторович Палюлин

настоятель храма Тихвинской иконы Божией Матери на ул. Софьи Ковалевской (С.-Петербург).

E-mail: hram-tbm-spb@yandex.ru

Сергей Львович Фирсов

доктор исторических наук, профессор кафедры церковной истории СПбДА и РПГУ им. Герцена.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2542-4489> E-mail: sfirsoff@mail.ru

Николай Александрович Тарнакин

бакалавр теологии, магистрант кафедры богословия СПбДА.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9218-346X> E-mail: tarnakin.n.a@gmail.com

Участники обсуждения:

Протоиерей Александр Игоревич Ранне

кандидат богословия, доцент кафедры богословия СПбДА.

Протоиерей Владимир Файкович Мустафин

доктор богословия *honoris causa*, профессор кафедры богословия СПбДА.

Юрий Алексеевич Соколов

историк, популяризатор науки, преподаватель Санкт-Петербургского государственного института культуры.

Ссылка на статью: Священник Димитрий Лушников, протоиерей Константин Костромин, протоиерей Евгений Палюлин, С. Л. Фирсов, Н. А. Тарнакин. Материалы круглого стола, посвященного 20-летию со дня кончины архиепископа Михаила (Мудьюгина) // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 1 (5). С. 86–108.

PROCEEDINGS OF THE DEPARTMENT OF THEOLOGY

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1 (5)

2020

*Priest Dimitry Lushnikov, Archpriest Konstantin Kostromin,
Archpriest Evgeny Palyulin, S. L. Firsov, N. A. Tarnakin*

Materials of the Round Table Dedicated to the 20th Anniversary since the Repose of Archbishop Michael (Mudyugin)

DOI 10.47132/2541-9587_2020_1_86

Abstract: This publication was prepared on the basis of the transcript of the reports of the participants of the round table dedicated to the 20th anniversary of the repose of Archbishop Michael (Mudyugin) (1912–2000), which took place on March 10, 2020, in the Book Room of the Publishing House of St. Petersburg Theological Academy.

Keywords: Archbishop Michael (Mudyugin), Theology, St. Petersburg Theological Academy, Fundamental Theology, Introduction to Basic Theology, History of the Russian Orthodox Church.

Participants with reports:

Archpriest Konstantin Alexandrovich Kostromin

Candidate of Theology, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Research and Theological Studies at St. Petersburg Theological Academy.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8511-3431> E-mail: k.a.kostromin@mail.ru

Priest Dimitri Yurievich Lushnikov

Candidate of Theology, Associate Professor, Head of the Department of Theology, St. Petersburg Theological Academy. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7985-1371> E-mail: hram-sretenya@yandex.ru

Archpriest Evgeny Viktorovich Palyulin

Rector of the Church of the Tikhvin Icon of the Mother of God on the Sophia Kovalevskaya Street, St. Petersburg. E-mail: hram-tbm-spb@yandex.ru

Sergei Lvovich Firsov

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Church History at St. Petersburg Theological Academy and the Herzen Russian State Pedagogical University.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2542-4489> E-mail: sfirsofff@mail.ru

Nikolay Alexandrovich Tarnakin

Bachelor of Theology, Master's Student at the Department of Theology, St. Petersburg Theological Academy. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9218-346X> E-mail: tarnakin.n.a@gmail.com

Discussion Participants:

Archpriest Alexander Igorevich Ranne

Candidate of Theology, Associate Professor of the Department of Theology, St. Petersburg Theological Academy.

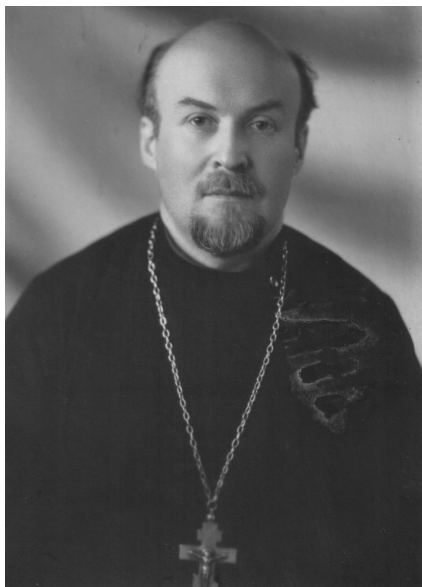
Archpriest Vladimir Faikovich Mustafin

Doctor of Theology honoris causa, Professor of the Department of Theology, St. Petersburg Theological Academy.

Yuri Alekseevich Sokolov

Historian, Popularizer of Science, Lecturer at the St. Petersburg State Institute of Culture.

Article link: Priest Dimitry Lushnikov, Archpriest Konstantin Kostromin, Archpriest Evgeny Palyulin, S. L. Firsov, N. A. Tarnakin. Materials of the Round Table Dedicated to the 20th Anniversary since the Repose of Archbishop Michael (Mudyugin). *Proceedings of the Department of Theology of the Saint Petersburg Theological Academy*, 2020, no. 1 (5), pp. 86–108.

Священник Михаил Мудьюгин.
1958 год

рического общества Дмитрий Андреевич Карпук; историк, преподаватель Санкт-Петербургского государственного института культуры Юрий Алексеевич Соколов, гости Книжной гостиной, студенты академии. В числе гостей был Сергей Михайлович Степучев — пастор Евангелической Русской Церкви.

Перед началом работы круглого стола собравшимся была представлена небольшая галерея фотографий владыки Михаила в разные периоды его жизни — во время пребывания на Вологодской кафедре, преподавания в ЛДА, а также последнего, петербургского периода его жизни (1993–2000 гг.).

Владыка Михаил

10 марта 2020 года в Книжной гостиной Санкт-Петербургской духовной академии состоялся круглый стол, организованный кафедрой богословия академии совместно с Историческим обществом и посвященный 20-летию со дня кончины архиепископа Михаила (Мудьюгина) (1912–2000), ректора Ленинградской Духовной Академии (1966–1968 гг.), профессора кафедры богословия.

Ведущим круглого стола выступил протоиерей Константин Костромин, проректор по научно-богословской работе СПбДА. Во встрече и обсуждении докладов приняли участие: профессор кафедры богословия протоиерей Владимир Мустафин; доцент кафедры богословия протоиерей Александр Ранне; заведующий кафедрой иностранных языков священник Игорь Иванов; заведующий аспирантурой, доцент кафедры церковной истории, руководитель Исто-

рического общества Дмитрий Андреевич Карпук; историк, преподаватель Санкт-Петербургского государственного института культуры Юрий Алексеевич Соколов, гости Книжной гостиной, студенты академии. В числе гостей был Сергей Михайлович Степучев — пастор Евангелической Русской Церкви.

Основными тематическими направлениями встречи стали богословское наследие и личность архиепископа Михаила (Мудьюгина). Участники круглого стола провели критический и сравнительный анализ его сочинений по основному богословию с некоторыми современными пособиями, представили документы и указы архиепископа Михаила в период его управления Вологодской епархией. Также коллеги и друзья, лично знавшие владыку, рассказали о характере и малоизвестных деталях его повседневной жизни.

Предлагаем ознакомиться с содержанием прозвучавших выступлений.

Протоиерей Константин Костромин:

Задача нашей встречи, с одной стороны, мемориальная — мы вспоминаем владыку Михаила, со дня кончины которого в этом году исполняется 20 лет. С другой стороны, мы обращаемся к его обширному наследию. Как сказал его современник, игумен Иннокентий (Павлов): “Если бы я знал, что его образ и наследие будут так востребованы после его смерти, то я обратил бы на него больше внимания при жизни”. Думаю, что эти слова станут достойным лейтмотивом нашего круглого стола.

Протоиерей
Константин Костромин

Священник Димитрий Лушников, собрание «Апологетическое наследие архиепископа Михаила (Мудьюгина) в перспективе современной фундаментальной теологии»:

Дорогие отцы, уважаемые коллеги, главное апологетическое сочинение архиепископа Михаила — «Введение в основное богословие», было издано в 1995 году в Москве и стало вторым после революции — вместе с «Основным богословием» профессора Московской духовной академии Алексея Ильича Осипова — изданием, посвященным проблематике рационального богословия. Чтобы понять, что из себя представляет текст владыки Михаила, необходимо обратиться к до-революционной истории преподавания рациональной теологии в Санкт-Петербургской Духовной Академии. История эта достаточно запутанная, и здесь необходимо пояснение.

Священник
Димитрий Лушников

Существуют три реформы духовного образования: 1869-го, 1884-го, 1910-го годов. В чем же запутанность? В том, что постоянно менялось название предмета. Все начиналось с преподавания «Введения в курс богословских наук» митрополитом Макарием (Булгаковым), который предложил назвать эту дисциплину «Энциклопедией православного богословия», имея в виду пропедевтический характер этой дисциплины для изучения богословия. Однако Святейший Синод не поддержал эту его идею, и в конечном итоге утвердилось название «Введение в православное богословие». После митрополита Макария эту дисциплину преподавали иеромонах Никанор (Бровкович), И. А. Вознесенский, иеромонах Диодор (Ильдомский), А. И. Парвов, Ф. С. Надеждин,

но после всех них, кроме иеромонаха Никанора (Бровковича), не осталось никаких текстов лекций. Существенное влияние на развитие основного богословия для нашей духовной академии оказал архимандрит Хрисанф (Ретивцев), но, к сожалению, текста его лекций тоже не сохранилось. Программу преподавания основного богословия архимандрита Хрисанфа заимствовал архимандрит Августин (Гуляницкий), о чем он сам пишет во введении к своей книге. Кстати, архимандрит Хрисанф был учителем Н. П. Рождественского. В 1869 году, после реформы образования, предмет «Введение в православное богословие» стал называться «Основным богословием». Преподавал его Н. П. Рождественский, оставивший после себя фундаментальный двухтомный труд, посвященный основному богословию, до сих пор считающийся образцовым, поскольку он всесторонне рассмотрел всю предметную составляющую этой науки. После него был епископ Михаил (Грибановский), и уже после реформы 1884 года снова возвращается старое название — «Введение в круг богословских наук». После епископа Михаила (Грибановского) на протяжении двадцати лет преподавал протопресвитер Евгений Аквилонов, и уже после реформы 1910 года вновь было возвращено старое название — «Основное богословие». Преподавание данного предмета в Санкт-Петербургской Духовной Академии закончилось Нилом Михайловичем Малаховым, впоследствии ставшим протоиереем и окончившим свою жизнь в Сербии, где скончался от туберкулеза. Те записи, что были им составлены в последние семь-восемь лет преподавания основного богословия, мы вместе с кафедрой истории нашей академии тщательно разобрали, и, как результат — две статьи в «Трудах кафедры богословия», посвященных Н. М. Малахову.

В своей книге владыка Михаил приводит небольшой список литературы, причем к основному богословию здесь относятся: «Руководство к основному богословию» архимандрита Августина (Гуляницкого), профессор Н. П. Рождественский, «Курс апологитического богословия» протоиерея Павла Светлова и изданная в 1957 году в Париже «Апологетика» протоиерея Василия Зеньковского; итак, за весь XX век мы видим три издания, одно из которых — труд владыки Михаила. Если говорить о влияниях, которые он на себе испытывал — очевидно, что это влияние той линии, которая была разработана архимандритом, впоследствии епископом, Хрисанфом, продолжена архимандритом Августином (Гуляницким) и доведена до предела профессором Рождественским. Данное влияние, могу это утверждать, очевидно.

Хотелось бы также произвести краткий сравнительный анализ труда владыки Михаила с «Основным богословием» А. И. Осипова. По мнению профессора В. К. Шохина, руководителя сектора философии религии института философии РАН, учебник А. И. Осипова значительно уступает в когерентности дореволюционным курсам, на которые опирается. Уже в шестом издании учебника видно, что автор пишет скорее в средневековой латинской манере, т. е. о чем угодно, а не о какой-то конкретной, пусть и широкой, богословской дисциплине. В апологетику включается все, что автору кажется интересным, вплоть до христианской социальной деятельности. По сути то, что опубликовано А. И. Осиповым, непредставимо и недопустимо в дореволюционном основном богословии. Здесь мне хотелось бы поделиться моим личным опытом преподавания основного

богословия. Когда я только начинал преподавать, то сразу же увидел, что учебник А. И. Осипова мне никак не подходит, чего нельзя сказать о труде архиепископа Михаила. Данный труд самым выгодным образом отличается своей аналитикой и последовательностью изложения мыслей.

Хочется отметить, что «Введение в основное богословие» владыки Михаила имеет свои определенные особенности. Прежде всего — введение, в котором дается характеристика чехарде названий предмета, о которой я говорил только что. Для Н. П. Рождественского и архимандрита Августина (Гуляницкого) различия между апологетикой и основным богословием не было никакого, для них это были термины тождественные. Владыка Михаил обращает внимание на то, что отождествление двух названий одной и той же дисциплины нельзя считать обоснованными, поскольку апологетический аспект, присущий всякой богословской науке — особенно основному богословию — и представляющий собой стремление защитить человеческие души от негативного эффекта заблуждений, всего лишь естественно следует из содержания предмета основного богословия. По его мнению, если речь идет о защите, то возникает ряд вопросов: кого или что нужно защищать? Кто должен за эту задачу браться, и какие средства защиты применять? Владыка справедливо отмечает, что серьезная, претендующая на научную объективность дисциплина не может ставить свое содержание в зависимость от не находящихся под ее контролем фактов, отрицающих само это содержание. Фактов, явно тенденциозных, сугубо субъективных и противоречивых. Прежде решения апологетических задач требуется — согласно владыке Михаилу — рассмотрение и изучение богословских истин, составляющих предмет основного богословия, на которых базируется все здание христианского ведения, укрепляется убедительность христианского мышления. Опровержение отклонения от истины без основательного ее изучения можно сравнивать, например, с изучением алхимии до ознакомления с химией...

Рассуждения владыки Михаила схожи с определениями основного богословия современных западных ученых, преимущественно католиков. Дело в том, что внутри самой фундаментальной теологии выделяют два направления: собственно фундаментальную теологию, как осмысление феномена веры, определение разумных оснований, критериев этой обоснованности,

Владыка Михаил: в храме Иоанна Богослова
в Духовной академии

и апологетическое богословие. Для выражения этого используется метафора: «обращение взгляда внутрь и наружу». Внутри — чтобы осмыслить, что ты пытаешься защищать, пишет владыка Михаил, а потом вовне, в, собственно говоря, апологетическое богословие. То есть существует основное богословие, а в нем — апологетическое обращение вовне, поэтому отождествлять основное богословие с апологетикой неверно. Такое отождествление будет неполно, хотя стремление к этому и прослеживается в светском варианте рациональной теологии, которая представлена сейчас в науке как философская теология, появившаяся на Западе и оформившаяся как наука в начале XXI века. Кстати, еще раз упомяну выдающегося современного отечественного философского теолога профессора В. К. Шохина, выпустившего в 2018 году монографию «Философская теология: канон и вариативность».

Теперь хотелось бы коснуться вопроса о названии книги владыки Михаила — «Введение в основное богословие». Дело в том, что назвать в собственном смысле введением — как это принято в современной фундаментальной теологии — этот труд нельзя. Традиционные введения во многом посвящены описанию истории возникновения основного богословия, формированию его как науки. При этом много внимания уделяется трехстадийному подходу, когда исследуется древняя церковная традиция, Средневековье и Новое время. Если говорить о современных введениях, например, об изданном в 2010 году «Введении в фундаментальную теологию» Маркуса Кнаппа, то в них большое внимание уделяется именно истории формирования науки, ее развитию в XX веке. Сегодня — для того, чтобы понимать, в каком состоянии находится наука, и уже потом дать оценку тому, что сделал владыка Михаил — можно обнаружить несколько направлений или видов современной фундаментальной теологии, например: «Трансцендентальное основное богословие» Карла Ранера, «Основное богословие, как созерцательное учение» Ганса Урс фон Бальтазара, «Герменевтическое основное богословие» Йогена Бизера, «Экуменическое основное богословие» Питера Кнауэра, «Практическое основное богословие» Иоганна Баптиста Меца, «Основное богословие, как теория действия» Гельмута Пойкерта, «Основное богословие, как критика фундаментализма» Фрэнсиса Шюслер-Фиренцы, «Контекстуальное основное богословие» Ганса Вальденфельса и т. д. Помимо этого, есть еще и евангелическое фундаментальное богословие, которое появляется во второй половине XX века; несмотря на принципы *solo fide* и *solo scriptura*, они начинают двигаться к необходимости обнаружения оснований для богословствования как такового...

Другой важный раздел введений посвящен определению задач основного богословия, его индикативности, т. е. включенности его в круг других богословских наук и описанию предметной структуры. В ней можно выделить основные разделы: критика религий и ответ на эту критику, проблема Откровения и Церковь. В конечном итоге основное богословие предполагает две части — собственно обоснование религиозного мировоззрения и апология христианства, христианского вероучения, убедительности, возможности рационализации этого учения, восприятия его в мире при помощи законов логики, насколько это возможно.

Еще один раздел посвящен изучению источников богословского познания. Для немецкой фундаментальной теологии образцовым считается «Handbuch der Fundamental-theologie — четырехтомник, изданный впервые в 1985–1988 и переизданный в 2000 году. На него все продолжают ссылаться. В этом издании настоящий немецкий подход — работало около сорока ученых, которым были розданы темы, написанное потом собирали воедино, периодически собираясь вместе и пытаясь выработать единую концепцию. Поэтому, если говорить об уровне учебников и уровне введений, то, увы — все, что есть у нас даже в настоящее время, не идет ни в какое сравнение с тем, чем располагает католическая фундаментальная теология.

Тем не менее, как нам, исходя из современных реалий, оценить «Введение в основное богословие» архиепископа Михаила? Уверен — это прекрасное учебное пособие, которое может быть использовано в настоящее время для преподавания, что, собственно, и делается. Хочу отметить, что четкость и последовательность изложения мыслей — несомненные достоинства данного труда. Конечно же, в нем есть определенный отпечаток советской эпохи, когда государство, исходя из идеологических соображений, всячески пыталось снизить роль Церкви, в том числе и в общественной жизни, поместить ее в некое гетто. Отсюда становится понятным появление раздела восьмого, посвященного социальной роли религии. Вообще-то, ни в каких других учебниках мы этого не найдем, но тогда, в советские годы, это, очевидно, было необходимо — показать, что религия не только не противоречит основам социальной жизни, но напротив, является тем инструментом, который нормализует эту жизнь во всех отношениях: труд, семья, брак, наука, искусство — везде необходимо наличие религиозного мировоззрения, которое, имея объективные основания для различения критериев добра и зла, может помочь в налаживании социальной жизни. Кстати, отец Владимир Мустафин в своих лекциях по основному богословию продолжал эту традицию, которая была предложена, как оригинальный подход, владыкой Михаилом.

Конечно же, не обо всем в те годы можно было сказать открыто, и, тем не менее, владыка Михаил постоянно полемизирует со своими оппонентами, а ведь это — прежде всего материализм и атеизм, как господствующая идеология. Здесь мы не найдем раздела, посвященного обоснованию истины бытия Божия — все это скрыто под названиями «Христианская гносеология» и «Богопознание». Отмечу, что владыка Михаил рассуждает о достоинствах этих рациональных обоснований, предлагая считать их не доказательствами, а умозаключениями, которые не обладают достоверностью, не являются математическими доказательствами, но вполне полезны для целей апологетики, отстаивания в секулярном мире религиозного мировоззрения.

Несомненно, мы сегодня можем использовать блестящие логические построения владыки Михаила, и потому его «Введение в основное богословие» является ценным пособием для изучения основного богословия.

Протоиерей Константин Костромин: Дорогие коллеги, есть вопрос, который хотелось бы предложить для обсуждения. Владыка Михаил позиционировал себя как человек, занимающийся основным богословием. Если

посмотреть его отчеты о научной деятельности в академии, то, начиная примерно с 75-го года, он писал, что готовит книгу по основному богословию. Вышла же книга лишь в девяностых. Следовательно: в какой степени он сам себя считал, и в какой степени коллеги его считали специалистом в богословии широкого плана? Ведь на богословские собеседования владыку привлекали не как специалиста в философской теологии или основном богословии, а скорее как специалиста в догматике. При этом сам владыка Михаил себя позиционировал как «не-догматик». Как разрешить это противоречие?

Священник Димитрий Лушников: Полагаю, никакого противоречия здесь нет. Нужно лишь правильное понимание того, что из себя представляет основное богословие. Это — базовая богословская дисциплина. При этом основное богословие — это не вводная дисциплина, как бы вводящая в круг богословских наук. Такой подход как раз осуществляется в протестантизме. Основное богословие — это базовая дисциплина, которая, по сути, фундирует, основополагает христианскую веру. Зная ее основание, можно уже вести диалог, и диалог не только с атеистами, но и с другими конфессиями. Поэ-

тому никакого противоречия тут нет. Базовое богословствование владыки Михаила, связанное с фундаментальной теологией, позволяло ему вести все остальные разговоры.

Протоиерей
Александр Ранне

Протоиерей Александр Ранне: Следует еще учитывать, что в то время в Русской Православной Церкви не было достаточного количества специалистов, чтобы можно было выбирать, кто поедет на ту или иную конференцию. Те специалисты, которые были, они везде и ездили... Владыка Михаил, насколько я помню, не только на экуменических конференциях был, но и на собеседованиях по догматике, литургике и истории Церкви, и это было вполне нормально.

Протоиерей Константин Костромин: Поблагодарим отца Димитрия за интересный доклад! Передаю слово профессору Сергею Львовичу Фирсову, однажды уже выступавшему на подобной конференции, но тогда это был мемуар, касающийся последних дней владыки Михаила. Сегодня Сергей Львович обещал расширить тематику.

Сергей Львович Фирсов, сообщение «Архиепископ Михаил (Мудьюгин) — нетипичный архиерей советской эпохи»:

Владыка Михаил был человеком действительно в какой-то степени нетипичным, хотя, с другой стороны, его официальная биография была классической. Он родился в верующей семье (кстати, в конце жизни он забыл год рождения своей мамы, и я ему напомнил за два часа до его кончины — 1874-й).

Мама была серьезной, глубокой верующей. Отец был статским советником, то есть владыка происходил из вполне культурной семьи. Достаточно рано ребенком он познакомился с архимандритом Николаем (Ярушевичем), который произвел на него весьма серьезной впечатление. Это произошло здесь — в стенах Александро-Невской лавры. Потом, как владыка сам говорил, он постепенно отошел от церковной жизни, хотя его мама привлекалась в начале 20-х годов вместе с епископом Мануилом (Лемешевским) — это была первая посадка епископа Мануила, и тогда действительно привлекалась Вера Николаевна Мудьюгина и ряд других очень интересных людей; дело касалось Александро-Невского братства.

Сергей Львович
Фирсов

Однако, насколько я мог судить из собственных высказываний владыки, все эти события повлияли на него не глобально. Он тогда выбрал другую стезю и как бы отошел на время от Церкви. Он говорил: «Верующим я оставался всегда, но, тем не менее, акценты были расставлены... по-другому».

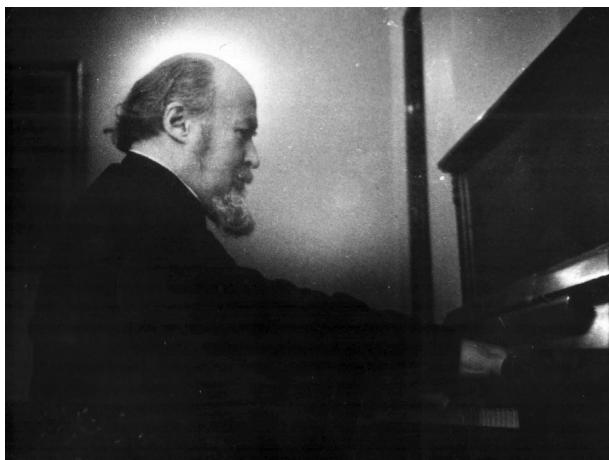
Перед войной он стал кандидатом технических наук, задумывался над написанием докторской диссертации. Во время войны он оказался в эвакуации, именно тогда он для себя решил, что священническое служение будет для него основным, но как это будет, представить еще не мог. Владыка обращал внимание на 1943-й год, когда его вызвал один из государственных деятелей того места, где он находился, и, после того как вышло 5 сентября на первой странице газеты «Правда» известие о встрече Сталина с митрополитами, сказал: что ж, нас теперь всех заставят ходить в церковь? Владыка, рассказывая об этом, смеялся и говорил, что для *них* это был абсолютный шок, но «и для меня тоже». Это, к слову, о психологическом восприятии того времени.

Кстати говоря, владыка часто вспоминал разговоры о получении регистрации у астраханского уполномоченного, когда уже был там архиереем. С юмором припоминал он, как тот ему однажды заявил: «Вы священнослужители, конечно, помогаете нам, коммунистам — учите народ честности, нравственности, морали. Но, согласитесь, есть вещи, в которые вы, проповедуя, сами не верите, например, в воскресение мертвых». Владыка ответил: «Если бы я не верил в воскресение мертвых, то не только не стал бы принимать сан, но и порога церкви никогда не переступил бы!» На уполномоченного это произвело странное впечатление, потому что он считал меня, — говорил владыка, — умным человеком...

Вообще в конце жизни владыка Михаил вспоминал какие-то эпизоды, как это часто бывает, не связывая их в цельную единую картину, но даже из этих разрозненных кусочков можно было составить если не картину, то эскиз к ней. Он вспоминал, среди прочего, небезызвестного Александра Александровича Осипова, который, как владыка выразился, задержал его

рукоположение на несколько лет, придравшись к каноническим препятствиям... И другое воспоминание — Осипов, уходя уже из академии, завернув плащ на правую руку, сказал: «Все кончено», открыл дверь и вышел. Вообще об Осипове владыка Михаил отзывался «не резко» и не «нерезко», а как о некотором артефакте эпохи. Осуждать его было бессмысленно, объяснять, на тот момент, тоже... Часто владыка Михаил вспоминал о митрополите Григории (Чукове), благодаря которому он и стал тем, кем стал. Владыка Григорий готовил документы к рукоположению Михаила Николаевича Мудьюгина...

Любопытно, как владыка Михаил воспринимал влияние различных церковных структур на жизнь Церкви. В какой-то степени для него это было важно и для оценки собственной роли в церковной жизни того времени. Владыка вспоминал свои мытарства, связанные с трудоустройством в Академии. «На моих глазах, — вспоминал он, — Лев Николаевич Парийский, тогдашний инспектор Ленинградских Духовных школ, позвонил кому-то в КГБ, поговорил, и, повесив трубку телефона, сказал мне: “К сожалению, мы не можем Вас принять”». «Несколько лет спустя, — продолжал он, — году в 63-м, меня вызвал в Москву митрополит Никодим (Ротов) и заявил, что вопрос о моем преподавании решен: я назначен преподавателем латинского языка. Я спросил, нельзя ли, кроме латинского языка, читать какой-нибудь богословский курс. “Пока нет, — ответил владыка Никодим. — Идите пока преподавать латынь, ею я Вас

Владыка Михаил: в часы отдыха

заслоняю от невзгод, как рукавом этой рясы”». Рассказывая это, владыка Михаил приподнимал свою правую руку и показывал, как это должно было выглядеть. Вообще, к митрополиту Никодиму владыка относился с подчеркнутым пиететом, называя его удивительным человеком, обладавшим потрясающим даром внушения, умевшим достигать поставленных целей, несмотря ни на что. «По приезде моем в Ленинград, — продолжал

владыка, — Л. Н. Парийский заявил, что он очень доволен моим назначением, и решил аккуратно проверить мои знания латинского (а латынь — одна из страстей моей жизни). Как-то он вызывает меня и говорит, что ему принесли книгу, а в ней эпитафия на латыни. Он, дескать, боится, что переведет неправильно. Я перевел, не знал только одно слово (эпитафия был из Св. Отцов). Парийский был чрезвычайно доволен и очень хвалил за перевод». «Затем, — вспоминал владыка, — вызвал меня уполномоченный Григорий Семенович Жаринов. Латынь он, разумеется, не знал и знания мои проверить не мог. Но всячески старался узнать, как и что я собираюсь преподавать, ибо преподавание мое не должно повредить престижу Советской страны».

заслоняю от невзгод, как рукавом этой рясы”». Рассказывая это, владыка Михаил приподнимал свою правую руку и показывал, как это должно было выглядеть.

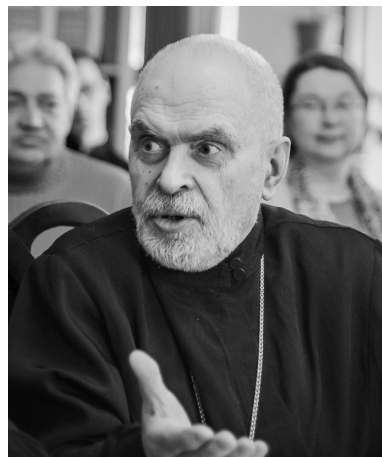
Вообще, к митрополиту Никодиму владыка относился с подчеркнутым пиететом, называя его удивительным человеком, обладавшим потрясающим даром внушения, умевшим достигать поставленных целей, несмотря ни на что. «По приезде моем в Ленинград, — продолжал

Все эти слова о престиже советской власти, все эти вызовы, вопросы, все, что тогда воспринималось как норма, сегодня воспринимается как какие-то странные, даже абсурдные явления. Однако такого рода вещи, такое объяснение психологической атмосферы, как правило, уходят от взгляда церковной историков, большинство из которых — неважные социальные психологи. Они занимаются сбором разного рода фактов, которые хотят впервые ввести в исторический оборот, но совершенно не думают, что эти факты должны быть положены на прочную основу психологического восприятия бытия тех людей, которые тогда жили. Понятное дело, мы вряд ли поймем эпоху Иоанна Грозного с психологической точки зрения, а Владимира Святого — еще меньше. Но, что касается новейшей истории, такие возможности имеются. К сожалению, в большинстве случаев об этом не говорят, останавливаясь на фактах: гонения на Церковь, вынужденный сервиллизм, еще какие-то клише, которые задействуются, не объясняя, а как бы закрывая это самое объяснение. На мой взгляд, личность владыки Михаила может восприниматься как некий ключ, который позволит открыть эту дверцу и позволит увидеть эти самые объяснения, мотивацию людей, — людей грамотных, умных, тонких, не потерявших веру в Бога, или, по крайней мере, в свое время отошедших от активного церковного служения, а потом вернувшихся к этому служению. И дело не в гонениях, а в том, как формировался церковный человек — церковнослужитель, архиерей и просто верующий в условиях советской власти. Это очень важный момент, который, в какой-то степени, может помочь нам понять и день сегодняшний. Как мне представляется, личность владыки Михаила и его жизненный путь *нетипично типичны* и достойны не просто формального изучения, а изучения в контексте его времени, в контексте его социальной среды, причем среды и церковной, и научной, в контексте среды его друзей. В этом смысле его биография вполне заслуживает изучения. Ленин как-то сказал, что Лев Толстой — это зеркало русской революции. В церковном мире тоже есть личности, которые могут служить отражением церковной жизни, или церковной эпохи дней прошедших. Владыка Михаил, на мой взгляд, относится именно к таким личностям. Благодарю за внимание!

Протоиерей Константин Костромин: Коллеги, будут ли какие-то замечания или реплики по докладу?

Протоиерей Владимир Мустафин: Скажите, Сергей Львович, Вы с владыкой Михаилом в последний день были?

Сергей Львович Фирсов: Да, я с ним общался за сорок минут до его смерти, это правда.

Протоиерей
Владимир Мустафин

Юрий Алексеевич
Соколов

нить что-то для себя и думал, что, если он сам себе это объяснит, то и всем сразу все станет ясно...

Протоиерей Александр Ранне: Я бы еще добавил, что владыка Михаил (Мудьюгин) был блестящим филологом — его великолепное знание немецкого и латинского языков, которые очень четко структурируют мысли, имели большое влияние на построение его мысли и на форму изложения материала.

Протоиерей Константин Костромин: Спасибо, отец Александр! Спасибо, Сергей Львович! Передаю слово протоиерею Евгению Палюлину, бывшему иподиаконом и келейником владыки Михаила в Вологде.

Протоиерей
Евгений Палюлин

Юрий Алексеевич Соколов: Хотелось бы добавить по поводу Александра Осипова. Владыка Михаил о нем как-то рассказал, что однажды был свидетелем того, как Осипов на каком-то семинаре читал доклад о чем-то, связанном с Ветхим Заветом. Читал до того безупречно и проникновенно, что у его слушателей — священников с белыми бородами, переживших советскую власть — по щекам текли слезы. Я спросил — то есть Осипов был верующим человеком? Владыка без секунды промедления ответил: в этот момент — несомненно, да, но вообще, конечно — нет... И еще одно маленькое замечание по поводу книги владыки Михаила. Он говорил, что хотел ее написать еще до войны, хотя и знал, что, конечно же, не напишет. Владыка хотел объяснить

Протоиерей Евгений Палюлин, сообщение «Архиепископ Михаил (Мудьюгин) как епархиальный архиерей (на примере Вологодской епархии)»:

Прежде всего, мне бы хотелось сказать несколько слов о знакомстве с владыкой Михаилом. Оно действительно перевернуло мою жизнь. Дело было так: на одном из всеобщих бдений в кафедральном соборе Вологды, куда я приходил время от времени, ко мне подошел один из иподиаконов и сказал: «Не хочешь помогать владыке за богослужением? Меня на днях рукополагают в диакона и владыке нужен будет иподиакон».

Такого я не ожидал, но тут же согласился и прямо на помазании, по полиелее, был представлен владыке Михаилу. Вот, собственно,

так и началось мое послушание в Церкви. В один из дней владыка пригласил меня в епархиальное управление (это был покосившийся деревянный двухэтажный дом на улице Ворошилова, с заколоченными окнами по первому этажу фасада) для беседы и предложил вакансию ризничего, поскольку этим у него толком заниматься некому, а облачения нуждаются в постоянном уходе. Я тут же был оформлен на ставку ризничего (туда же входили и иподиаконские обязанности), и буквально через час уже сидел в архиерейской «Волге» — мы ехали в архиерейскую резиденцию (так назывался деревянный дом вологодских архиереев по адресу: ул. Панкратова, 16; дом этот, кажется, жив еще и по сей день).

Владыка Михаил: в Вологодской епархии

Ризница владыки Михаила представляла собой большой шкаф, в котором висели порядка шести облачений разных цветов (кажется, еще штуки три-четыре были в ризнице кафедрального собора), вот и весь архиерейский гардероб. Несколько митр, пара клобуков, несколько посохов и тросточка с серебряным наконечником. Владыка все это мне показал, и довольно причмокнув, произнес: «Вот это будет твое хозяйство!» Позднее выяснилось, почему владыка был так доволен. Дело в том, что ранее ризницей занимался один диакон, потерявший голос и служивший потому старшим иподиаконом. Он был добрейшей души человек, очень преданный Церкви, любивший и знавший богослужение и все, что связано с церковной жизнью, но... любитель выпить. Это была его беда, и владыка его очень жалел. По той же причине ризница владыки нуждалась в более тщательном уходе.

Кстати, о тросточке владыки Михаила. Он с ней практически не расставался, выходя на прогулку, причем брал ее с собой не для куража, а поскольку плохо видел (мне частенько приходилось ее отмывать от грязи; владыка действительно в ней нуждался). Позднее выяснилось, что тросточка эта принадлежала когда-то о. Иоанну Кронштадтскому. Каким образом она попала к владыке Михаилу, неизвестно, а известно лишь, что после канонизации о. Иоанна владыка передал ее в монастырь на Карповке.

Позднее к послушанию ризничего и иподиакона мне прибавилось еще одно. Уволилась повариха владыки, и мне по его просьбе на какое-то время пришлось взять это послушание на себя. Это продлилось около двух лет. Для владыки же это оказалось настоящим испытанием — представляете, что может приготовить 17-летний парень?

Для меня, совсем молодого, это было очень ценное время, потому что я видел владыку Михаила и в быту, и в богослужении, и в повседневной жизни. Он везде оставался носителем своего высокого сана. Общение с ним произвело на меня неизгладимое впечатление, а впоследствии и определило мою жизнь.

Несмотря на то, что дворянское происхождение владыке Михаилу было невозможно не скрыть (это было видно во всем — в походке, в движениях, в манере сидеть, говорить и слушать), в быту он был чрезвычайно прост. Он мог, покушав, собрать в ладошку хлебные крошки со стола и одним махом отправить их в рот...

Заштопаннные и залатанные подрясники владыки Михаила были притчей во языцех, однако его самого это совершенно не волновало. Его волновало другое. Он всегда ощущал себя архиереем, носителем апостольского благовестия. Священное Писание с многочисленными пометками на полях всегда сопровождало владыку, где бы он ни был. Говорить о Христе и богословствовать он мог до бесконечности. Мне запомнилась фраза апостола Павла, которую часто произносил владыка: «Горе мне, если я не благовествую». Благовестие было смыслом его жизни.

Мне часто приходилось провожать владыку Михаила в поездки в академию или за границу. Обычно после сборов он, по доброй русской традиции, садился на стул или край кровати, обращался в сторону икон и произносил слова молитвы на дорогу. Молитва эта, как правило, представляла собой экспромт и заканчивалась всегда словами: «Господи, даруй мне, чтобы эта поездка была на пользу Церкви и во славу Твоего Пресвятого Имени!» Слова эти я очень хорошо запомнил.

Слова «польза для Церкви» для владыки Михаила имели буквальный смысл, это говорилось не для красного словца. Выражалось это во всем, что он делал, и главным образом — в назначении на те или иные должности. Владыка был педагогом, он ценил ум, образование, эрудицию, уместную шутку. Поэтому, когда Церковь стала свободна от уполномоченных, именно такие священники становились у него настоятелями соборов, центральных храмов. Именно такие священники были собеседниками владыки Михаила по вечерам в его столовой, к иным он сам ходил в гости (причем добирался к ним на обычном городском автобусе).

Особо хочется сказать о владыке как о педагоге. Я хорошо помню один лично для меня очень важный случай. Как-то мы возвращались с богослужения в городе Устюжна, после сытной и обильной трапезы в доме гостеприимного отца-настоятеля. Владыка Михаил на протяжении примерно ста километров сладко похрапывал в машине (обычно, если он был в хорошем расположении духа, то, проснувшись, пел романсы). А мне как раз накануне благословили подрясник и возвели в степень чтеца. И вот меня стал волновать вопрос: как же я теперь буду знакомиться и общаться с девушками, раз ношу подрясник? В этом возрасте это было очень актуально!.. Преодолев стеснение, я задал этот вопрос владыке. После этого на протяжении полутора часов он рассуждал о созревании, влюбленности, возможных разочарованиях, но, вместе с тем, о необходимости такого общения; о том, что мой подрясник этому не помеха. Очень деликатно

владыка разрешил все мои сомнения. Конечно, ведь он когда-то был женатым человеком и говорить на эти темы для него было естественно (кстати, посещая Устюжну, владыка всегда служил панихиду на могиле своей супруги Марии-Дагмары).

Не могу не коснуться еще одного очень важного вопроса. Владыку Михаила нередко называли и называют модернистом, однако для меня его образ никак не укладывается в это понятие. Даже несмотря на то, что Евангелие, апостольское чтение и паремии в кафедральном соборе Вологды, на архиерейских богослужениях, всегда читались только на русском языке, в синодальном переводе. Канон Андрея Критского на первой седмице Великого Поста читался в редакции самого владыки Михаила (не знаю, сохранилась ли она где-то). Сам лично не раз слышал от владыки: «Я — убежденный экуменист!» Однако, что он вкладывал в это понятие, я никак не мог понять, и, во всяком случае, на жизни Вологодской епархии это никак не отражалось... Вспоминается такой случай. Однажды после завтрака — за которым владыка читал газеты «Правда», «Советская Россия», «Советская культура», даже «Советский балет», пару газет на немецком языке, который знал в совершенстве — владыка Михаил вышел из столовой в слезах, и направился к аналою с раскрытой Псалтирью, встал на молитву. Убирая посуду, я заметил раскрытую газету на немецком языке с некрологом и фотографией какого-то священника или богослова. Видимо, являясь участником различных богословских собеседований и диалогов, владыка был с ним знаком и вот так переживал его кончину.

Владыка Михаил очень любил Православное богослужение. Устав Церковный он знал в совершенстве, часто выходил читать шестопсалмие, иногда читал кафизмы. При этом читал владыка очень выразительно, с интонацией, с небольшими смысловыми паузами. Он вообще был против «начетничества», всегда говорил, что текст Псалтири очень эмоционален — как и других церковных текстов, — и задача чтеца донести смысл текста во всей его полноте. Себя он считал очень хорошим псаломщиком и очень этим гордился. Мне запомнилась его фраза: «Архиереем всякий стать может, а вот хорошим псаломщиком — нет!» Также владыка с удовольствием регентовал (причем у него и во время застолья нередко звучали церковные песнопения). У владыки Михаила всегда было особое отношение к клирошанам (так он называл церковных певцов). Он всегда после богослужения выходил на клирос, беседовал с регентом, благодарил за пение, при этом очень вдохновенно, обращаясь к певцам, произносил, усиливая свои слова жестом: «Пойте Богу нашему, пойте, пойте Царю нашему, пойте!»

Отмечу, что владыка Михаил, несмотря на свой трезвый академический ум, был мистиком в самом возвышенном смысле этого слова. Он очень сильно переживал присутствие Бога в своей жизни, в богослужении. Я помню рассказ владыки о Богоявлении — так он называл явное, физически ощущаемое присутствие Божие в алтаре, где он ребенком прислуживал, на Афонском подворье Санкт-Петербурга. Достоин Патерика его рассказ о том, как в детстве (ему было шесть лет) он совершал богослужение в лесу и настолько был увлечен священнодействием, что не заметил женщин, которые пристроились

Владыка Михаил: в Вологодской епархии

невдалеке и молились вместе с ним. Он заметил их только тогда, когда они слаженно пропели «Аминь!», в конце священнического возгласа...

Вспоминается любопытный случай. Однажды я пришел готовить завтрак владыке. Ключ от дома у меня был, я свободно открывал дверь, проходил на кухню и в столовую. Владыка выходил к завтраку, как правило, в рубашке с галстуком, примерно к девяти часам утра. И если он при этом что-то напевал, было понятно — настроение у него хорошее. А в тот раз он встретил меня уже в подряснике, с панагией, и явно был чем-то взволнован.

Быстро позавтракав, владыка пригласил сопроводить его в город Грязовец, а по пути к машине — вероятно, ему нужно было обязательно с кем-то поделиться своими мыслями — кратко сказал, что есть проблемы со священником (а там служил молодой иеромонах) и нужно принять какое-то решение. Однако у владыки есть сомнения — ему сегодня приснился сон, где он всю ночь давил клопов, и чем больше давил, тем больше их становилось... Вот с таким настроением он прибыл в Грязовец, прибыл без предварительного звонка и устроил там грандиозный разнос. Я не вникал в эту ситуацию, потому что находился в другом помещении, но мне казалось, что сам дом сотрясаясь от эмоций владыки. По всей видимости, он был искренне убежден в том, что сон был пророческим и приснился ему не как простому человеку, а как архиерею, ответственному за жизнь епархии и людей...

В заключение хотелось бы сказать, что образ владыки Михаила (Мудьюгина) оставил неизгладимый след в сердцах тех, кому посчастливилось с ним общаться. Вспоминая то время, могу сказать, что это были одни из самых интересных лет моей жизни!

Протоиерей Константин Костромин: Спасибо, отец Евгений! Будут ли какие-либо комментарии у участников Круглого стола?

Протоиерей Александр Ранне: Я хотел бы кое-что добавить. Однажды я спросил владыку Михаила по поводу русского языка в богослужении. Он с искренним возмущением ответил: «О чем Вы спрашиваете, отец Александр?! Есть же замечательный синодальный перевод, что еще надо?!».

Полагаю, это не случайно. Как прирожденный филолог, владыка прежде всего обращал внимание на коренные смыслы слов. Приведу маленький пример. Владыка Михаил как-то служил в академии, а я проповедовал. По окончании я подошел под благословение, а он мне говорит: «Отец Александр, вы очень хорошо сказали». Я, не подумав, отвечаю: «Спасибо, владыка, за комплимент!» Он страшно возмутился: «Я и не думал вам делать комплимент!» Позже я выяснил, что комплимент — это преувеличенная похвала, и владыка, следовательно, решил, что я его просто оскорбил. Вот такая черта, которая его отличала во всем... И еще по поводу его отношения к экуменизму. Однажды подхожу к владыке и спрашиваю: как насчет спасения католиков и протестантов?.. Ответ его был краток: «В книге Деяний читайте, апостол Петр, цитируя пророка Иоиля, говорит, что “всякий, кто призовет имя Господне, спасется” [Деян. 2, 21 — прим. ред]. Всё. Больше ничего добавлять не надо»...

Протоиерей Константин Костромин: Спасибо за интересное дополнение, отец Александр! Следующий доклад сделает магистрант кафедры богословия Николай Александрович Тарнакин.

Николай Александрович Тарнакин, сообщение «К вопросу о значении богословского наследия архиепископа Михаила (Мудьюгина)»:

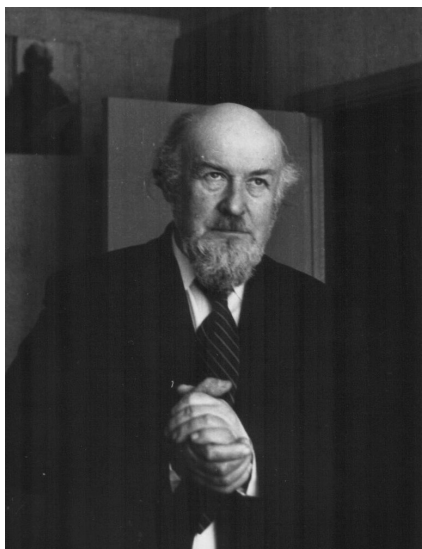
Настоящий доклад, по сути, является предельно лаконичным изложением моей магистерской диссертации, которая в ближайшее время будет защищаться на кафедре богословия. В нем я хочу коснуться следующих вопросов: 1) место циркуляров и указов архиепископа Михаила в его научно-богословском наследии, 2) отношение владыки к зарубежной богословской мысли, и 3) актуальность магистерской диссертации владыки Михаила для современной православной сотериологии.

В научно-богословском наследии архиепископа Михаила (Мудьюгина) совершенно особое место занимают его циркуляры и указы как епархиального архиерея. При том, что они большей частью относятся к практическому направлению в церковной науке, немалая их часть, которая носит судебно-административный характер, может быть отнесена к науке церковного права.

В то же время, циркуляры и указы архиепископа Михаила, естественно, посвящены насущным проблемам пастырского окормления священнослужителей, их воспитанию и исправлению. Можно даже говорить о том, что данными документами владыка стремился воздействовать на нравственный облик священнослужителей, показать, какими они призваны быть. А это, в свою очередь, напрямую относится к предмету рассмотрения нравственного и пастырского богословия.

Николай Александрович
Тарнакин

Владыка Михаил:
в домашней обстановке,
1977 год

Особо следует отметить, что в указах и особенно циркулярах архиепископа Михаила на протяжении всего периода его пастырского служения прослеживаются несколько сквозных тем: отношение к богослужению, образование священства, поведение клириков, церковных сотрудников и мирян. Именно эти темы были позднее подробно рассмотрены владыкой Михаилом в книге «Русская православная церковность».

Таким образом, во-первых, циркуляры и указы владыки заслуженно могут быть признаны уникальными историческими памятниками в силу яркой личности их автора, во-вторых, эти документы в значительной мере можно отнести к научно-богословскому наследию архиепископа Михаила.

Исследование отношения архиепископа Михаила к зарубежной богословской

мысли включает в себя рассмотрение: 1) суждений самого владыки, высказанных в его работах, 2) мнений владыки, почерпнутых из иных источников, и 3) документов богословских собеседований с инославными.

В качестве примера суждений архиепископа Михаила приведем цитату из его кандидатской диссертации «Состояние Римско-Католической экклесиологии к началу Второго Ватиканского Собора»: «известный современный экклесиолог», относящуюся к кардиналу Й. Ратцингеру (будущему папе Бенедикту XVI).

В своей кандидатской диссертации владыка Михаил также цитирует и ссылается на работу другого известного богослова Г. Кюнга «Собор, реформа и воссоединение», однако никак ее не характеризует. При этом известно, что на одной из лекций владыка Михаил высказал оценочное суждение о творчестве Кюнга в целом, с возмущением отзываясь о его «богословском либерализме».

Отмечу, что кандидатская диссертация тогда еще священника Михаила Мудьюгина написана в 1964 году — во время проведения Второго Ватиканского Собора. В целом, указанную диссертацию можно считать актуальной и оригинальной лишь по состоянию на начало 2-й сессии Собора; в ней использована современная на тот момент догматическая литература западных исследователей.

Наконец, одну из сторон отношения владыки к зарубежной богословской мысли раскрывают материалы докладов с богословских собеседований, опубликованные в «Журнале Московской Патриархии» и журнале «Богословские труды». Сопоставление выступлений архиепископа Михаила с выступлениями инославных коллег позволяет сформировать мнение о его взглядах и их отличии от взглядов оппонентов. Следует отметить, что, как правило, мнения,

высказываемые владыкой, находятся в русле православного вероучения, оставаясь в нем даже тогда, когда архиепископ Михаил так или иначе соглашался с мнениями своих оппонентов.

Особо хочется сказать о магистерской диссертации архиепископа Михаила «Основы православного учения о личном спасении по Священному Писанию и святоотеческим высказываниям», которая была защищена в Ленинградской Духовной Академии 12 июня 1972 г. и впервые опубликована в 2010–12 гг. — к 100-летию со дня рождения владыки Михаила — усилиями священника Константина Костромина.

Можно утверждать, что данная работа владыки для современной православной сотериологии остается актуальной, что подтверждается детальным сравнением ее со схожими трудами архимандрита Сергия (Страгородского) (будущего Патриарха) «Православное учение о спасении» (1895 г.) и иеромонаха Амвросия (Ермакова) (будущего архиепископа, ректора СПбДА) «Святитель Иоанн Златоуст. Учение о спасении» (1999 г.). Последовательное появление трех научных работ, посвященных православному учению о спасении, можно расценить как естественное развитие научно-богословской мысли, поскольку каждый автор в свою исходную посылку включает определенный критический взгляд на работу предшественника.

Важно отметить, что в качестве мотивов архиепископа Михаила к написанию своей магистерской диссертации можно выделить «логический» и «психологический». Можно даже утверждать, что они основываются на некоторой неудовлетворенности логическим построением и отношением к протестантам, соответственно, в работе архимандрита Сергия (Страгородского). При этом отличительной особенностью работы архиепископа Михаила является цитирование множества самой разнообразной литературы: от трудов святых отцов и учителей Церкви до художественной литературы и статей В. И. Ленина.

Завершая разговор о диссертации архиепископа Михаила, отмечу, что в наши дни она нередко подвергается критике со стороны других ученых за свою неоднозначность, наличие множества смыслов, местами спорную авторскую позицию. Однако это несколько не умаляет ее значения для богословия, позволяя диссертации оставаться актуальным богословским сочинением, привносящим творческое развитие в православную сотериологию и вызывающим живой интерес современных церковных ученых.

Подводя итоги доклада, отмечу следующее. Можно обоснованно утверждать, что богословское наследие архиепископа Михаила (Мудьюгина)

Владыка Михаил: на лекции, 1990-е годы

остается актуальным и значимым как для современного духовного образования, так и для церковной науки. При этом в целом его богословие можно охарактеризовать как консервативное. В то же время, следует отметить, что в церковно-практическом, литургическом плане Владыка скорее может быть представлен как сторонник либерального подхода.

Кандидатская диссертация архиепископа Михаила актуальна и оригинальна, увы, лишь по состоянию до начала II Ватиканского Собора, сегодня же эта работа — «исторический памятник». Тем не менее, ее ценность заключается в том, что из-за использования современной автору догматической литературы западных исследователей и множества святоотеческих трудов данную работу можно использовать в качестве источника по истории католической экклезиологии.

Магистерская диссертация архиепископа Михаила по праву занимает свое достойное место в ряду отечественных работ, посвященных православному учению о спасении. Она, по сравнению со знаменитым трудом предшественника — архимандрита Сергия (Страгородского), отличается оригинальностью методологии и систематизации материала, а также использованием множества различной литературы. Благодарю за внимание!

Протоиерей Константин Костромин: Поблагодарим Николая Александровича за содержательный доклад, который, напомню, имеет непосредственное отношение к его магистерской диссертации, посвященной архиепископу Михаилу. А теперь, предваряя завершение нашего Круглого стола, я хотел бы выступить с небольшим сообщением на тему, которая родилась совершенно неожиданно вчера.

Протоиерей Константин Костромин, сообщение «Рассказы военных лет будущего архиерея»:

Изначально я не планировал выступать на Круглом столе, но появилась потребность. Размышляя о том, что здесь будет происходить, я решил открыть заветный чемодан с рукописями и бумагами владыки Михаила, сохранившимися от Светланы Николаевны, его секретаря и помощницы. Неожиданно я обнаружил до сих пор ни разу мною не замеченную залежь художественных произведений владыки на самые разные темы, написанных в годы Великой Отечественной войны. Мое сообщение об этих рукописях можно считать своеобразным вкладом нашего Круглого стола в празднование отмечаемого в этом году юбилея [75-летия Победы в Великой Отечественной войне — прим. ред.].

Первое художественное произведение, которое будущий владыка Михаил написал — затрудняюсь его точно датировать, но оно было написано явно еще в конце 30-х годов — это небольшая повесть, которая называется «Катюша». Эта рукопись — наверное, первый опыт, однако сам владыка Михаил считал его ценным и неоднократно пытался эту повесть опубликовать. Тогда, сразу после войны, это ему не удалось, потом была вторая попытка в 60-х годах, но опять не пошло. Затем в виде машинописи повесть существовала в вологодский период, и в конце 80-х владыка снова пытался ее опубликовать,

но каждый раз сталкивался с какой-то реакцией со стороны редакции, видимо, очень разной.

Также неожиданно обнаружилось, что в 1941–45 годах тогда еще Михаил Николаевич Мудьюгин написал еще четыре повести на самые разные темы. Первая по времени создания повесть не имеет в себе фактически никакого религиозного содержания, и называется «Два приказа». Фабула достаточно простая: в центре внимания бухгалтер государственного банка, который работает в нем сорок лет. В день сорокалетия его трудовой деятельности вывешивается приказ о его премировании за то, что он ни разу в жизни не опоздал на работу, работал исключительно точно (при этом его особо никто не замечал, но все его хорошо знали). На следующий день бухгалтер опоздывает на пятнадцать минут на работу, его за это увольняют и он сразу же умирает. Рукопись закончена в первый месяц войны — в конце лета 1941 года.

Военная тематика также не могла не проявиться в творчестве будущего архиепископа Михаила. Рассказ «Низкий прицел» не датирован точно, но, судя по всему, это 1942-й, самое начало 43-го года. В поезде везут солдат и офицеров. Девушка общается со своим другом, который едет на фронт. Она знает, что он ее любит, а она едет к своему жениху... Далее выясняется, что молодой человек, к которому она едет, недостоин ее внимания, девушка рвет с ним отношения и в ужасе бежит на телеграф. Оказывается, там сохранилось письмо от того солдата из поезда, и она с радостью видит его обратный адрес.

В конце войны в Новосибирске была написана повесть «Искушение». В нем уже начинается христианская тематика, это рассказ старого священника. Написана повесть в духе XIX века. Речь идет о человеке, собирающемся принять монашеский постриг; о том, как его обуревают различные сомнения и воспоминания из прошлой жизни и т. д. Кстати, существует подобный рассказ, написанный в бытность еще белым священником отцом Игорем Экономцевым, ныне архимандритом Иоанном. Это также рассказ об отношении священника и монаха к различным веяниям мира. В этом смысле владыка Михаил отца Иоанна значительно опередил.

Последний рассказ очень забавный и короткий. Написан он был сразу же после войны, причем на самой рукописи рукой владыки надписано, что создан он в 1945 году для участия в радиоконкурсе «Литературная иллюстрация к “Ночи на Лысой горе”» М. П. Мусоргского. Рассказ, который так и называется — «Ночь на Лысой горе», повествует о шабаше ведьм. Квинтэссенцией и самой яркой его частью является фраза, которая не дала возможности победить в конкурсе: «Страшно смотреть крещеной христианской душе на разгульное веселие нечистой силы». Таким образом, поскольку и этот рассказ, и повесть «Искушение» написаны примерно в одни и те же годы, будущий владыка Михаил предстает в роли достаточно плодовитого прозаика, который писал в стиле, сочетающимся как с соцреализмом (повесть), так и с романтизмом («Ночь на Лысой горе»). Здесь автор в чем-то напоминает Гоголя, хотя, с точки зрения языка, это скорее романтик, Чехов, но не Гоголь... Благодарю за внимание.

* * *

Участники Круглого стола единодушно выразили мнение о необходимости издания указанных произведений архиепископа Михаила (Мудьюгина). В заключение протоиерей Константин Костромин поблагодарил всех докладчиков за участие и за интересные выступления, побудивших, с одной стороны, вновь обратиться к сочинениям выдающегося деятеля Русской Православной Церкви XX века, с другой — позволили больше узнать об уникальной личности владыки Михаила.